

- Марк Захаров, главный режиссер московского театра "Ленком", в котором вы играете уже двадцать лет, заметил: "Артист Леонов достиг той редкой для зависимой профессии артиста высоты, когда может делать то, что хочет, с кем хочет и там, где пожелает". Это действительно так?

- Думаю, нет. Конечно, мне нравится, как Захаров обо мне сказал. Но наша профессия по сути своей несамостоятельна. Вот, скажем, я хочу сыграть короля Лиры. Естественно, для этого нужен режиссер, который бы работал со мной. Но, к сожалению, никто не увидел меня в этой роли.

- Кажется, эта роль - ваша давняя мечта?

- Да, но теперь уже неосуществимая. В сердце много инфарктов - не до короля Лиры. Но что-то все же сыграть хочется, потому что, как мне кажется, я еще не до конца раскрыл себя. А раскрывается актер не только сам, но и режиссером.

Вот в Театре Маяковского Андрей Александрович Гончаров увидел во мне старика Ванюшина, а в студии - хотя я был тогда совсем мальчишкой - трогательного старикашку Ладейкина из водевиля Чернышева. Говорят, это была хорошая работа, зрители даже плакали... Там же, в студии, Гончаров предложил сыграть Яшку в "Мальве". А в кино Володя Фетин, у которого я снимался в "Полосатом рейсе", дал мне вдруг драматическую роль в фильме "Донская повесть", в котором, несмотря на "прорехи", есть живая нота - Яшка Шибалок с ребятенком, вскормленным кобыльим молоком. А потом встреча с Георгием Дanelия, у которого я снимался в грустных комедиях. Вызвать смех через слезы необычайно сложно и режиссеру, и актеру. Но русскому искусству это всегда было свойственно. И, предав сегодня трагикомедию забвению, мы многое потеряли...

В 1972 году я пришел в Ленком из Театра им. Маяковского не за карьерой. Пришел к режиссеру - Марку Захарову, прекрасному современному художнику, чувствующему время, умеющему нестандартно передать его. Я сыграл здесь Вожака в "Оптимистической трагедии", Иванова в пьесе Чехова - роль, вызвавшую тогда у нашей безапелляционной критики бурю протеста, Старика-отца в "Воре" Мысливского, Тевье-молочника в "Поминальной молитве".

- В каких спектаклях вы заняты сегодня?

- Только в "Поминальной молитве".

- А в кино?

- Сейчас Дanelия снимает фильм по старому сценарию Александра Володина "Белый танец" - играю пять-шесть небольших сцен... А так роли эпизодические. Понимаю, уже постарел, да и мои нравственные устои не очень подходят к тем современным сценариям, что предлагают. Прочитаешь - плакать хочется.

- "Служенье Муз не терпит суеты". Как вы себя чувствуете в наше суматошное время?

- По-моему, Юрий Олеся сказал: в эпоху бурных темпов художник должен мыслить медленно. Прекрасные слова!.. Сегодня, как мне кажется, нам не

Михаил Михайлович Яншин. Казалось, все, что я делаю на сцене, вызывало в нем протест. Репетируя, он требовал, чтобы актер пропускал роль через сердце, страдался с ней. Искусство простоты и правды - самое трудное искусство.

Думаю, каждый актер должен уважать и вспоминать добрым словом своих учителей. Я - Михаила Михайловича Яншина и Андрея Александровича Гончарова. Они, вероятно, - К.С. Станиславского, В.И. Немировича-Данченко, А.М. Лобанова. Может быть, так и возникает та круговая порука, которая не позволит нашему искусству опуститься ниже того эстетического уровня, на который подняли его когда-то наши великие мастера. Сейчас возникает много вопросов типа:

"Умрет ли искусство?"

Да разве может оно умереть в стране с таким огромным духовным потенциалом, оставленным XIX веком?.. Да, что-то произошло сегодня с нашей нравственностью, но причины этого мне не хотелось бы анализировать. Искусство всегда было отражением жизни общества. Какое общество - такая и культура. Какое искусство - такое и общество. Какая культура - такая и нравственность. Какая нравственность - такая и экономика.

Может, это звучит и тривиально, но начинать надо именно с доброго сердца. Доброта - начало всех начал. Каждый человек с детства должен уяснить, что выше закона может быть только Любовь, выше правосудия - Милость, выше справедливости - Прощение...

- Евгений Павлович, о вашей улыбке в народе много легенд. Это защитная маска или нечто другое?

- По-моему, в последнее время я перестал улыбаться. Все знакомые говорят: "Мрачный ты очень". А улыбка - никакая не маска. Мама моя научила нас с братом относиться к жизни радостно. И то, что она не смогла, может, сформулировать, повторили затем мои педагоги: "Отдавая, человек становится богатым". Даже если ничего нет, всегда можно поделиться кусочком теплоты своего сердца...

Беседу вел
Елена КОНСТАНТИНОВА
(РИА "Новости").

Эхо Митви. - Визитос. - 1992. -
Евгений ЛЕОНОВ. 15 авг.

"Я свою профессию выстрадал..."

- Я свою профессию выстрадал, - сказал в одном из интервью народный артист Евгений ЛЕОНОВ.

Его "звездная дорожка" началась в 1947 году. Талантливый комик, он блистательно сыграл множество и драматических ролей. Ибо убежден: "Актер должен уметь играть все... никакого актерского амплуа вообще нет и не было никогда".

В 1988 году Леонов чуть было не покинул этот мир. Но вернулся к жизни. А через год - на сцену.

хватает обстоятельности. Суетясь, мы только оттягиваем возможность возвращения утраченного, в частности, культуры.

Вот слушаешь сейчас беседы с артистами, музыкантами и вдруг отмечаешь, что почти все они стали людьми деловыми... Похоже, сегодня уже никто, вживаясь в роль, не мучается головной болью, не налетает на улицах на столбы...

Есть роли, которые оказываются решающими для актера на всю жизнь. Таким стал для меня Лариосик из "Дней Турбиных", которого я сыграл около тысячи раз. Роль давняя, но бесконечно любимая и дорогая. В работе над ней рядом со мной был мой главный учитель - замечательный русский актер и режиссер